

Учредительное собрание и Диктатура

Эррико Малатеста

15 декабря 1924, 1 января 1925

Оглавление

I	3
II	5

I

Превосходный коммунистическо-анархический двухнедельник *Le Reveil – Il Risveglio*, который вот уже двадцать четыре года публикует на итальянском и французском языках товарищ Луиджи Бертони в Швейцарии (Женева, улица Savoises, 6), переводит замечания, сделанные мною в №20 этого Журнала по поводу возможного Учредительного собрания, и добавляет к ним заметку, в которой обращает внимание «на вспомогательный вопрос, подсказанный самым болезненным опытом: *Как воспрепятствовать тому, чтобы наша Оппозиция Учредительному собранию не открыла путь к диктатуре?*».

Вопрос действительно важный и срочный, поскольку времена быстро зреют, – мы можем в любой момент оказаться перед ситуацией, которая больше не позволит нам дискутировать и обяжет нас к быстрым действиям, к которым мы должны быть уже умственно готовы. Поэтому я в свою очередь приглашаю товарищей тщательно разобрать аргумент со всех различных точек зрения, а пока даю здесь свой вклад в дискуссию.

Между Учредительным собранием и Диктатурой нет существенной разницы. И то, и другое – это власти, которые сосредоточивают, или пытаются сосредоточить, в своих руках все социальные силы, чтобы навязать обществу свои идеи и, прежде всего, свои интересы. Они в своих современных, более или менее революционных формах действуют от имени «суверенного народа» или от имени «сознательного и развитого пролетариата»; но в действительности это всегда маленькие меньшинства, которые душат любую свободную инициативу и навязывают «народу», или «пролетариату», то есть всем, и особенно трудящимся, господство касты, или партии, когда это не господство одного или нескольких человек.

Однако разница всё же есть: пусть только в степени и в способах воздействия – но пренебрегать этой разницей никак нельзя, ведь в жизни и в истории всё, в конечном счёте, сводится именно к степени и к способу.

Диктатура – это достигнутая цель. Это маленькая группа, которой удалось создать военный и бюрократический организм, она господствует посредством него, всегда готовая сокрушить грубой силой любую попытку сопротивления.

Учредительное собрание – это пока ещё борьба между партиями за завоевание превосходства, чтобы навязать де-факто, если не де-юре, свою собственную диктатуру.

Диктатура – это свинцовая крышка: это открытое, наглое подавление всякой свободы, против которого нет иного возможного сопротивления, кроме заговора и вооружённого восстания.

Учредительное собрание из-за противостояния и борьбы между партиями нуждается, до тех пор пока одна из партий не сумеет навязать себя, в обращении к согласию большинства, в учёте течений мнений, которые волнуются в народной массе, и оставляет поэтому открытыми некоторые щели для свободы.

Следовательно, если действительно не было бы иного выхода, кроме Диктатуры или Учредительного собрания, мы не могли бы предпочесть ничего, кроме Учредительного собрания. Я говорю, разумеется, об Учредительном собрании, которое собралось бы во время или после восстания против установленных властей; ибо Учредительное собрание, созванное в монархическом режиме для решения о реформе конституции, было бы комедией, которая могла бы интересовать только республиканцев... республиканцев Его Величества.

Но, к счастью, есть иной выход – наш, который есть прямое действие масс.

Мы должны *делать*, и побуждать массы *делать*, не дожидаясь, пока придут приказы от какой-либо власти и из какого-либо центра.

Прежде всего, пропагандировать и осуществлять всеобщее вооружение, вооружение всех. Хорошенько остерегаться ловушки закона, который запретил бы ношение оружия определённым классам или определённым партиям под предлогом разоружения контрреволюционеров. На этом пути разоружёнными в конце концов оказались бы мы и масса трудящихся, и вскоре дело дошло бы до создания специальных вооружённых корпусов на службе у господствующей партии. При нынешнем состоянии умов лучший и, возможно, единственный способ избежать или уменьшить применение оружия и посягательства на свободу – это вооружить всех и дать каждому возможность защищать в одиночку или с помощью друзей и соседей свою собственную свободу.

А затем немедленно приступить, насколько возможно, к экспроприации капиталистов; занятию рабочими фабрик, земель, кораблей, железных дорог и других средств транспорта; учет всех доступных предметов потребления и организации распределения и производства посредством профсоюзов, кооперативов, палат труда, групп добровольцев и всякого рода ассоциаций, существующих или которые будут созданы для неотложных нужд.

Собрания районные, коммунальные, межкоммунальные, региональные, национальные, которые брали бы на себя необходимые инициативы, согласовывали бы их с инициативами других и осуществляли бы их, не претендуя на то, чтобы издавать закон для всех и навязывать его силой несогласным.

Активное восстание, вооружённое, если потребуется, против любой попытки диктатуры.

Отказ от участия, в качестве избирателей или избранников, в любом представительном органе, Учредительном собрании или ином, который претендовал бы на то, чтобы издавать закон и создавать вооружённую силу для его соблюдения.

Впрочем, предоставить другим делать всё то, что мы не можем сделать лучше них: и тем лучше, более того, что есть те, кто возьмёт это на себя, если речь идёт о необходимых или полезных вещах, и готовые оказать, когда нужно, наше добровольное содействие. Приспособление к условиям, навязанным природой вещей и необходимостью момента, но сопротивление любой претензии навязывать себя силой.

Примирительные и уступчивые, пока это возможно без нарушения основополагающих принципов нашей революции, а именно: чтобы никто силой не нарушал свободу другого, когда эта свобода не нарушает равную свободу других, и чтобы

никто не имел средств принуждать других работать на него и позволять себя эксплуатировать.

Со всем этим сделаем ли мы анархию?

При нынешнем состоянии наших сил и морального уровня населения – вероятно, нет.

Вероятно, мы придём ещё раз к социальной конституции, заражённой авторитаризмом и привилегиями.

Но чем больше будет наша активность в революционный период, чем больше будут завоевания, сделанные непосредственно народом, чем многочисленнее и шире они будут осуществлены и сделаны до прихода нового закона, тем менее угнетающей будет остаточная власть, тем менее тяжёлыми будут оставшиеся привилегии.

И тем шире и легче будет путь будущего.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

II

Двойная проблема, серьёзная и срочная, встала перед нашим вниманием: проблема Учредительного собрания и другая, вытекающая из первой, – проблема Диктатуры пролетариата или, лучше сказать, Коммунистической партии и вместе с ней III Интернационала и Московского правительства.

Изложу по этому поводу свою мысль.

Я полагаю, что ни уловка Учредительного собрания, за которую буржуазный и политиканствующий класс Италии ухватился бы как за крайнее средство, чтобы сохранить своё привилегированное положение, ни инсценировка диктатуры, основанной на марксистской догме и на престиже чужой революции, не могут представлять серьёзных опасностей для прихода и развития в Италии социальной Революции, которая отсечёт сухие и искривлённые ветви и вернёт красоту формы и силу развития тысячелетнему дереву цивилизации.

Революции не происходят сразу – что, впрочем, находится в полном соответствии с общими процессами физиологического мира – но степенями, всё более интенсивными, из которых одна необходима для закалки энергии для большего усилия, требуемого другой; и только когда под одной из этих [ступеней] физиологическая энергия сдаёт, стало бы невозможным логическое и прогрессивное развитие остальных, и произошла бы остановка. Я полагаю, следовательно, рассматривая Учредительное собрание и Диктатуру (или, вернее, попытку Диктатуры) пролетариата как две последовательные и естественные фазы развития революционного процесса, что наша забота как революционеров до конца не должна состоять в их наступлении, но, если уж на то пошло, в возможности обратного.

Никаких тревог, следовательно, ибо тревога – враг действия; но собранность, единство, осторожная и методичная деятельность и, прежде всего, безмятежная оценка огромной ответственности экономического порядка, которая ляжет на нас, когда Революция, следуя естественному ритму своего развития, придёт, чтобы опуститься – возвышенная дева, но покрытая лохмотьями – на наши руки; ответственность,

которая – если я не ошибаюсь – заставляет некоторых, даже из наших лучших товарищей, чувствовать себя одинокими и немногими и искать среди пёстрой толпы политиканов возможных союзников, не думая о могущественном союзнике завтрашнего дня: великой народной душе, великой семье трудящихся – и среди них в первую очередь крестьян Юга – которых чудо Революции явит нам нашими подстрекателями и сотрудниками.

Быть самими собой: быть самими собой сегодня, в кажущемся одиночестве, в безмятежном признании реальности и в усилении для более близкой и широкой связи, которой частично не хватало в прошлом; быть ими завтра перед лицом Учредительного собрания и быть ими ещё и перед лицом Диктатуры; всегда наступать и, где невозможно наступать, никогда не отступать, но ждать, бодрствуя и приумножая силы: вот, по-моему, способ победить и преодолеть любое препятствие.

Лёгкий и скользкий склон – хотя и украшенный иллюзиями – пред-Революции (а Диктатура в Италии тоже принадлежит пред-Революции) должен быть полностью пройден, прежде чем крутой, суровый и героический подъём Революции откроет радости и нечаянные сокровища последней фаланге, которая пойдёт вперёд, полная идеала и упорной воли.

Да придёт Учредительное собрание! И пусть его представят газеты, привыкшие лгать, как поле гражданских состязаний мысли и общественных интересов, и пусть они даже попытаются обвить вокруг его дряхлой головы сияющий нимб Революции, которая была или словом Великого, принявшего за пульсирующую жизнь реальность то, что было не чем иным, как риторикой чисто еврейской марки. Но мы знаем, что это мишура и что её истинное историческое соответствие – в «Генеральных штатах», с которыми она не может не иметь общего конца. И мы не позволим прельстить себя её лестью, потому что будем чувствовать истинное Учредительное собрание в нашем идеале и в великих трудящихся массах, которым только и дано возводить на той же площади, занятой гнилым и отупевшим старьём, свободную ассоциацию людей для Жизни и в Труде.

Пусть Учредительное собрание соберётся! И пусть идут в него будущие мнимые диктаторы. Но вне этих залов, разграбленных и монументальных, будут бесчисленные толпы, которые потребуют хлеба, а не законов, свободы, а не новых полицейских ливрей, фактов, а не обещаний. И если мы будем с ними, истинное Учредительное собрание будет на площадях, на улицах, на заводах и в полях, и, возможно... возможно, даже среди сынов народа, вооружённых Учредительным собранием. И Учредительное собрание Жизни победит – кто может в этом сомневаться? – то, что создано продажной прессой и вороватой риторикой.

Борьба против Диктатуры будет, конечно, труднее и, возможно, даже более насильственной. Потому что Диктатура имеет много общего с нами и сможет попытаться, а в некоторых пунктах даже преуспеть, вырвать у нас те силы, на которые мы рассчитываем для нашего триумфа, который есть триумф Революции. И против Диктатуры нужно начинать бороться уже сейчас. Возможно уже сейчас устранить многие элементы, которые составляют столько же факторов её.

Фазы Диктатуры, те, что её провоцируют и поддерживают, окружая её ореолом магической провиденциальности, таковы:

1. желание её осуществлять; которое исходит из инстинкта господства, что не есть, в конечном анализе, ничто иное, как социальный перевод, с пред-солидаристской точки зрения, физиологического инстинкта двойной тенденции к самосохранению: сохранению ценностей своей психики (мысли и чувства) и уверенности в захвате средств, необходимых для своего физического сохранения. Тот, кто командует, в самом деле – а Диктатура есть начальная форма всякой власти – уверен, имея в своём распоряжении силу, в возможности навязать в моменты идеологической путаницы свои идеи и обеспечить в моменты экономической путаницы

2. отсутствие, вне диктаторских организаций, и следовательно в больших социальных массах, критической способности противостоять влиянию диктаторской идеологии и технической и солидаристской способности, которая позволила бы прямую организацию общих ресурсов для решения трёх великих проблем, которые создаёт Революция: гарантия личной неприкосновенности и защита от паразитизма и воровства, сохранение и приумножение экономики, гарантия против возможных возвратов и репрессий свергнутого режима;

3. идеологические диктаторские наслоения, произведённые пропагандой, проведённой в пред-революционный период партией Диктатуры, которая сделала её идею привычной.

Против этой идеологии анархисты с самого начала своей пропаганды заняли позицию, и, в теоретической линии, в Италии, без сомнения, наша идея имеет преобладание. В любом случае, преобладание той или иной тенденции в коллективной ментальности зависит также от других факторов: непрерывная и индивидуализируемая деятельность элементов, которые их представляют; их вмешательство как выдающегося фактора в начальном столкновении, которое открывает выход Революции. Не говоря уже о том, что каждая революция в своём начале необходимо анархична.

Остаются, напротив, серьёзные препятствия: сплочённость стремящихся к Диктатуре, способная придать их действиям характер единообразия, которое имеет поразительный отзвук на коллективную психику; и возможность застоя либертарной инициативы или путаницы и разногласия между инициативами, что произвело бы её истощение и моральный упадок.

Два вопроса, возможно, образуют лишь один. Поскольку всякий престиж – каким бы он ни был – будущих диктаторов, местных или иностранных, был бы поколеблен раз и навсегда, когда полная и скоординированная инициатива смогла бы утвердиться в моральной, экономической и стратегической области, независимо от них. Вызвать и продвинуть эту инициативу – наша задача.

Но эту работу нельзя импровизировать. Подготовка, на достаточно широких, но достаточно определённых линиях, навязывается как первый долг для действия, которое желают сделать успешным; и вместе с подготовкой навязывается организация.

Если мы будем способны организовать анархически – то есть временно и до достижения определённой цели – сегодня, Революция завтрашнего дня восторжествует и будет анархической. Если же, по необъяснимому идолопоклонству перед именами

или неизлечимому духу противоречия, мы не будем таковыми, тщетным будет тогда всякий изолированный героизм: наше действие будет обречено на провал.

Пора убедиться, что торжественный час пробьёт в ближайшее время и что этот час сможет – одним ударом – либо водрузить в граните истории наше знамя, либо уничтожить деятельность, мечты и жертвы полувека и похоронить их навсегда под смертельными туманами разочарования.

Этот мой взгляд оставляет открытым вопрос: должны ли мы, организовавшись, играть в открытую?

Я так не думаю, но, во всяком случае, аргумент несколько выходит за рамки предмета, который я себе поставил, и поэтому необходимо оставить его в стороне.

ГАЭТАНО МАРИНО.

Хорошо бы также договориться по последнему вопросу, который ставит Марино, а именно: должна ли организация быть тайной или публичной.

В общем плане ответ не может быть иным, кроме лапалиссианского¹: Нужно делать публично то, что следует давать знать всем, и в тайне то, что следует держать скрытым.

Очевидно, что для нас, тех, кто ведет пропаганду, чтобы поднять моральный уровень масс и побудить массы самим завоевать своё освобождение, для нас, у которых нет никакой цели личного господства или узкосектантских целей, подходит, всегда когда это возможно, придавать нашей работе максимальную публичность, чтобы достичь нашей пропагандой и сделать участниками нашей деятельности как можно больше людей.

Но это зависит не только от нашей воли; и естественно, что если, например, какое-либо правительство запретит нам говорить, печатать, собираться, объединяться, и у нас не будет силы открыто восстать, мы постараемся говорить, печатать, собираться и объединяться подпольно.

Нужно, однако, всегда стремиться делать всё это при свете солнца и бороться за завоевание свободы, помня, что лучший способ получить свободу – это взять её, идя на необходимые риски, тогда как очень часто свобода теряется по собственной вине, не пользуясь ею или делая это робко, с видом признания, что не имеешь права её делать.

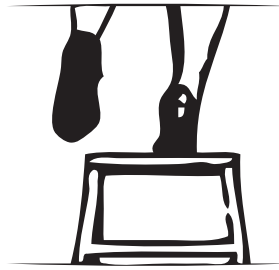
Итак, как максимум, мы предпочитаем действовать всегда публично... также потому, что сегодняшние революционеры обладают качествами, некоторые хорошими, а другие плохими, которые уменьшают в них те конспиративные способности, какими отличались революционеры 50 или 100 лет назад. Но, конечно, могут быть обстоятельства и действия, требующие тайны, и тогда нужно действовать соответственно.

Во всяком случае, будем остерегаться «секретных» вещей, о которых все знают, и прежде всего полиция.

¹ То есть «самоочевидный». Выражение произошло от генерала ла Палиса, про которого его солдаты сочинили песню, богатую самоочевидными истинами («за три часа до смерти он был еще жив»).

Э. М.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Учредительное собрание и Диктатура
15 декабря 1924, 1 января 1925

Pensiero e Volontà, год 1-й, №24, год 2-й, №1.
В оригинале обе части названы "Учредительное собрание и диктатура", а не
поделены на I и II.

ru.anarchistlibraries.net